

Харыбин Александр Николаевич

магистрант Волгоградского филиала
Академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Аннотация:

В статье на основе геополитической методологии анализируются современные международные конфликты с участием России (Украина, Ливия, Сирия, Крым). Автор приходит к выводу, что в период политической нестабильности, характеризующей международную политическую систему XXI в., законы геополитики не теряют своей актуальности и применимы в формировании внешнеполитического курса России.

Ключевые слова:

геополитика, экспансия, международный конфликт, политическая нестабильность, противоречие, Россия, Украина, Ливия, Сирия, Крым.

Kharybin Aleksandr Nikolaevich

Applicant for a Master's Degree,
Volgograd branch of Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration

MODERN GEOPOLITICAL CONFLICTS

Summary:

On the basis of geopolitical methodology, the article analyzes the current international conflicts involving Russia (Ukraine, Libya, Syria, Crimea). The author concludes that in the period of political instability, that is typical for the international political system of the XXI century, the laws of geopolitics are still relevant and can be applied in the formation of Russia's foreign policy course.

Keywords:

geopolitics, expansion, international conflict, political instability, contradiction, Russia, Ukraine, Libya, Syria, Crimea.

Современный международный политический процесс, развивающийся в условиях глобализировавшегося мира, стремительного роста населения планеты и перемещения демографических масс с Юга на Север, отличается принципиально новыми трендами и явлениями, чем в XX в. Поэтому в современной политической науке актуализируется вопрос о том, насколько классический геополитический анализ применим и корректен в сложившейся международной обстановке, как категории геополитики можно учитывать при формировании внешнеполитического курса государства.

Термин геополитика впервые был употреблен Рудольфом Челленом, определявшим ее так: «Наука о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве» [1, с. 39]. Из других определений геополитики наиболее интересными представляются дефиниции Карла Хаусхоффера: «Геополитика есть наука об отношениях земли и политических процессов» [2, с. 21] и Лэдис Кристоф: «Геополитика есть изучение политических явлений, во-первых, в их пространственном взаимоотношении и, во-вторых, в их отношении, зависимости и влиянии на Землю, а также на все те культурные факторы, которые составляют предмет человеческой географии... в ее широком понимании» [3, р. 36–37].

Традиционный для геополитики «пространственный» методологический подход при анализе современных международных конфликтов «размывается» такими важнейшими из новых факторов, как трансграничный терроризм, информационная взаимопроницаемость политик, взаимозависимость национальных экономик. Даже этого списка, казалось бы, достаточно для «обнуления» прикладной ценности классического геополитического анализа.

Начиная с 90-х гг. XX в. политический терроризм становится не просто международным явлением (интернациональный состав террористических группировок), а по-новому трансграничным, не привязанным к определенным государствам и территориям [4, с. 214–215]. Первой организацией нового рода явилась «Аль-Каида», но подлинную «революцию» в деле формирования экстремистских армий дала «Арабская весна». В ходе беспорядков и переворотов в странах Ближнего Востока сформировалась кадровая база не просто для террористических организаций, но полноценных армий, имеющих свое экономическое обеспечение и объединенных догмами исламизма [5, с. 150].

Свободное курсирование информации, возможность передавать политические смыслы «от пользователя к пользователю», минуя органы государственной цензуры и подконтрольные государству СМИ, превратились в реальный политический ресурс. Твиттер и Фейсбук в движении современного политического протеста играют одну из ключевых ролей, совершенно справедливо вызывая опасения со стороны представителей государственной власти. Это позволяет в ряде случаев межгосударственные конфликты перевести на уровень внутригосударственных беспорядков на территории «жертвы» с последующим ее устранением как внешнеполитического оппонента. Примером является военно-политическая операция против режима М. Каддафи в Ливии и Б. Асада в Сирии.

Взаимозависимость национальных экономик и развитие транснациональных корпораций породили формирование элит с наднациональными интересами, ставящими отношения традиционной политики (реализовывающейся в парадигме примата национальных интересов и безопасности) ниже интересов экономического партнерства [6, с. 14–15]. Данный феномен можно наблюдать на примере наиболее актуального в текущий момент для России геополитического конфликта – вокруг Крыма и так называемой Новороссии. Первоначальный накал политических эмоций сменился со стороны руководства Российской Федерации поиском компромисса, а радикальные политические движения, пришедшие к власти в Украине и ранее рассматривавшиеся как экстремистские [7, с. 120–121], сейчас становятся объектами переговоров в лице наиболее вменяемых их представителей.

Однако, несмотря на перечисленные факторы, можно констатировать, что в основе большинства современных межгосударственных (и если взять шире – межцивилизационных) конфликтов по-прежнему находится стремление к контролю над пространством оппонента с последующим установлением желательного для победителя экономического режима взаимоотношений с захваченными территориями. Но борьба за установление данного контроля осуществляется в большинстве случаев опосредованными методами, путем применения «мягкой силы» и других технологий дестабилизации внутренней устойчивости государства.

В российско-украинском конфликте конечной целью России стало присоединение Крымского полуострова, то есть именно геополитическая победа, хотя официально действия объяснялись необходимостью защиты русского населения от угрозы геноцида со стороны взявших власть в Киеве националистов-радикалов. Воссоединением с Крымом Россия решила для себя крайне болезненную проблему обеспечения базирования Черноморского военно-морского флота, на чем ранее спекулировала украинская сторона. Крым обеспечил военное прикрытие всего юга России и существенно укрепил ее позиции во всем Причерноморье. После распада Советского Союза и фактического демонтажа Ялтинско-Потсдамской международной системы Россия испытывала непрекращающееся давление со стороны расширяющегося блока НАТО, США последовательно укрепляли свои позиции в Европе. Сама Россия стала объектом приложения технологий «мягкой силы» [9, с. 39–42], призванных утвердить либеральные ценности в политическом сознании россиян. В виде «крымской операции» Россия нашла эффективный геополитический ответ на данные вызовы и угрозы. Исторической особенностью российской цивилизации является эффективный механизм ассимиляции присоединяемых территорий в состав государства [8, р. 50–52], тем более что в данном случае ситуация не осложняется глубокими культурно-религиозными и этническими различиями.

Сирийский и Ливийский конфликты также можно назвать межгосударственными, поскольку официальные лидеры стран НАТО неоднократно заявляли о том, что свержение Б. Асада и М. Каддафи является ключевой задачей. Сирия имеет значение как геополитический центр всего Ближневосточного региона, Ливия не только важный поставщик нефти, но и страна-транзитер, объединяющая североафриканские коммуникации.

Проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о сохранении значения классической геополитики как методологии научного анализа и формулирования рекомендаций внешнеполитического характера в условиях реалий современного мира, поскольку в основе большинства современных межгосударственных конфликтов пусть и в скрытой форме, но по-прежнему остается стремление к установлению контроля над территорией оппонента.

Ссылки:

1. Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008. 319 с.
2. Haushofer K. *Weltpolitik von heute*. Berlin, 1934. S. 21.
3. Kristof Ladis K.D. The Origins and Evolution of Geopolitics // *The Journal of Conflict resolution*. 1960. Vol. IV. № 1 (March). P. 36–37.
4. Морозов И.Л. Политический экстремизм: особенности эволюции при переходе от индустриального общества к информационному : монография. Волгоград, 2007. 458 с.
5. Морозов И.Л. Экстремистские политические идеологии в условиях глобализации – от концептуальной рациональности к религиозному экстремизму // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2009. № 1. С. 148–155.
6. Бельских И.Е. Национальные интересы России и Украины: стратегические факторы, способствующие внешнеэкономической интеграции и партнерству // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2011. № 1. С. 14–19.
7. Матвиенко Е.А., Васильчук Е.О., Морозов И.Л. Особенности институционально-правового обеспечения противодействия экстремизму в Украине // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2013. № 3. С. 117–122.
8. Morozov I. L. *Politica nazionale per l'impero Russo: comprensione storica e filosofica* // *Italian Science Review*. 2014. 6 (15). P. 50–52.
9. Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. 53 с.

References:

1. Challen, R 2008, *State as a form of life*, Moscow, 319 p.
2. Haushofer, K 1934, *Weltpolitik von heute*, Berlin, p. 21.
3. Kristof Ladis, KD 1960, 'The Origins and Evolution of Geopolitics', *The Journal of Conflict resolution*, vol. 4, no. 1 (March), pp. 36-37.
4. Morozov, IL 2007, *Political extremism: features of the evolution in the transition from an industrial to an information society*: monograph, Volgograd, 458 p.
5. Morozov, IL 2009, 'Extremist political ideology in the context of globalization - from conceptual rationality of religious extremism', *Bulletin of Volgograd State University. Episode 4: History. Regional Studies. International relations*, no. 1, pp. 148-155.
6. Belskikh, IE 2011, 'The national interests of Russia and Ukraine: strategic factors contributing to foreign trade integration and partnership', *National interests priorities and safety*, no. 1, pp. 14-19.
7. Matvienko, EA, Vasilchuk, EO & Morozov, IL 2013, 'Features of institutional and legal support to counter extremism in Ukraine', *Herald of the Voronezh Institute of the Russian Interior Ministry*, no. 3, pp. 117-122.
8. Morozov, IL 2014, 'Politica nazionale per l'impero Russo: comprensione storica e filosofica', *Italian Science Review*, 6 (15), pp. 50-52.
9. Filimonov, GY 2013, *The role of "soft power" in US foreign policy*: D.Phil. thesis abstract, Moscow, 53 p.